

Тумэн Д. Вопросы этногенеза монголов в свете данных палеоантропологии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1985. – 20 с.

Цыб С.В. Афанасьевская культура Алтая: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Кемерово, 1984. – 19 с.

Цыбиктаров А.Д. Бурятия в древности. – Улан-Удэ: Изд-во БурГУ, 1999. – 264 с.

Цыбиктаров А.Д. Могильники афанасьевского типа Монголии и Тувы (вопросы культурной принадлеж-

ти и датировки) // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. – Улан-Удэ – Чита: Изд-во БурГУ, 2002 (в печати).

Энеолит СССР. – М.: Наука, 1982. – 359 с. – (Сер. “Археология СССР”).

Novgorodova E. Alte Kunst der Mongolei. – Leipzig, 1980. – 280 p.

Материал поступил в редколлегию 1.04.02 г.

УДК 903.5

Ю.С. Худяков¹, К.Ш. Табалдиев², О.А. Солтобаев²¹*Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: bronz@iua.nsc.ru*²*Кыргызский государственный национальный университет
Абдымомун кочосу, 207, Бишкек, 720000, Кыргызская Республика
Факс (3312) 26-35-06*

КОМПЛЕКС ПАМЯТНИКОВ С РУНИЧЕСКИМИ НАДПИСЯМИ В МЕСТНОСТИ КОК-САЙ В КОЧКОРСКОЙ ДОЛИНЕ НА ТЯНЬ-ШАНЕ

Введение

Памятники древнетюркской рунической письменности являются важнейшим источником по истории тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху раннего средневековья. Они содержат ценные сведения о многих исторических событиях в изложении самих тюрков, а не иноземных наблюдателей [Кляшторный, 1975, с. 260]. Поэтому каждая вновь обнаруженная руническая надпись привлекает внимание и становится объектом изучения специалистов – тюркологов, историков, археологов. Особое значение имеют находки руники из тех районов, где их ранее не обнаруживали.

Одним из регионов, где в эпоху раннего средневековья существовали государства тюркоязычных кочевых этносов и применялась древнетюркская руническая письменность, является Тянь-Шань в пределах современной территории Республики Кыргызстан. Впервые памятники древнетюркской руники были обнаружены в Таласской долине Тянь-Шаня еще в конце XIX в. В дальнейшем большая часть надписей была найдена в районе р. Талас. Отдельные рунические надписи зафиксированы на оз. Иссык-Куль и в Баткенском р-не Кыргызстана. Изучением таласских рунических надписей занимались многие выдающиеся ученые-тюркологи России, Кыргызстана, Финляндии, Турции. Они предложили свои варианты чтения, перевода, датировки и исторической интерпретации этих памятников письменности [Джумагулов, 1987, с. 9 – 10, 12, 14, 19].

По оценке С.Г. Кляшторного, таласские рунические надписи относятся ко второй половине существо-

вания в Семиречье и на Тянь-Шане Тюркешского каганата, или к 716 – 739 гг. [2001б, с. 74]. Вместе с тем И.В. Кормушин, опираясь на результаты палеографического анализа таласских рун, считает их производными от поздних енисейских аллографов [2001, с. 95]. Енисейские кыргызские надписи в Саяно-Алтае, начертания рун которых послужили прототипами для таласских рунических знаков, датируются в основном IX – X вв. н.э.

В 1998 и 2000 гг. серия рунических надписей была обнаружена в восточной части Кочкорской долины Тянь-Шаня археологами Кыргызского государственного национального университета К.Ш. Табалдиевым и О.А. Солтобаевым в ходе поиска наскальных рисунков в местности Кок-Сай. Эти находки имеют важное значение не только для изучения памятников древнетюркской рунической письменности в Кыргызстане, поскольку они обнаружены в горном районе внутренней части Тянь-Шаня, где ранее не были известны, но и для исторической реконструкции, т.к. найдены в сочетании с наскальными рисунками и тамгами. Поблизости от местонахождения Кок-Сай находятся древнетюркские каменные изваяния и могильники.

Предварительные сведения о рунических надписях в Кочкорской долине были оперативно введены в научный оборот К.Ш. Табалдиевым и О.А. Солтобаевым в периодических и научных изданиях в Кыргызстане [2001, с. 69 – 72]. Эти материалы привлекли внимание специалистов, исследующих древнетюркские рунические памятники Центральной Азии. Свои варианты чтения, перевода и ин-

терпретации кок-сайских надписей предложили С.Г. Кляшторный [2001а, с. 213 – 215] и А. Аманжолов [2001, с. 97 – 98].

Описание находок

Кочкорская долина, в восточной части которой находится местность Кок-Сай, занимает важное географическое положение во внутренней части Тянь-Шаня. С севера она отделена горными хребтами от Чуйской долины и оз. Иссык-Куль, с юга – от долины р. Нарын.

Памятники средневековых кочевников в Кочкорской долине начали исследоваться в конце XIX в. С 1989 г. планомерное изучение поминальных и погребальных комплексов, петроглифов, относящихся к культурам древних и средневековых кочевых племен, проводится археологами Кыргызского государственного национального университета при участии специалистов из России и Германии.

Наиболее результативными были раскопки древнетюркских погребений в сопровождении коня или барана и поминальных оградок с изваяниями на памятниках Беш-Таш-Короо I, II, III, Бел-Саз и Сутуу-Булак (расположен на пути из Кочкорской в Нарынскую долину). Они позволили уточнить особенности погребальной и поминальной обрядности древних тюрков на Тянь-Шане, охарактеризовать основные этапы развития древнетюркской культуры, реконструировать конское убранство, описать образцы декоративно-прикладного искусства [Табалдиев, 1996, с. 16 – 24, 70 – 82; Худяков, Табалдиев, Солтобаев, 1997, с. 142 – 147; Худяков, Табалдиев, 1999, с. 50 – 58; Табалдиев, Худяков, 1999, с. 59 – 64; 2000, с. 68 – 70].

Комплекс Кок-Сай с руническими надписями, тамгами и рисунками существенным образом расширяет круг источников, относящихся к духовной культуре тюркоязычных кочевников, которые обитали в Кочкорской долине в эпоху раннего средневековья. А. Аманжолов называет кок-сайские надписи чуйскими, хотя они не приурочены к Чуйской долине [Аманжолов, 2001, с. 97].

Рунические надписи выполнены в сочетании с изображениями тамг и всадников. Лошади и птицы нанесены точечной выбивкой на вертикальных или наклонных плоскостях отдельных массивных камней, расположенных на северном склоне горного хребта Укек от подножия до отвесной части склона на расстоянии 20 – 100 м друг от друга по направлению с севера на юг.

Надпись № 1. Расположена горизонтально на поверхности массивного камня. Прослеживается восемь рунических знаков. В переводе С.Г. Кляшторного надпись гласит: “Мое мужское имя Адык (медведь). Десять стрел...” [2001б, с. 74]. Под надписью выбита тамга в виде трапециевидной скобы с загнутыми в разные стороны концами. Перед основанием скобы – черта (рис. 1).

Рис. 1. Камень с надписью № 1. Кок-Сай.

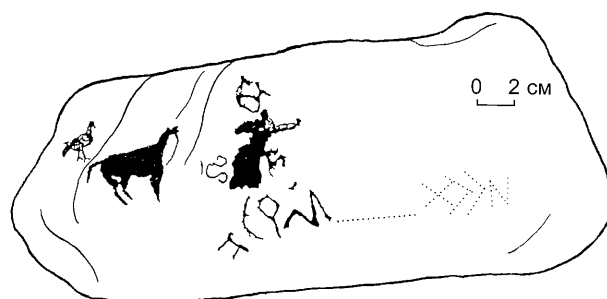

Рис. 2. Камень с надписью № 2 и изображениями птицы, лошади и антропоморфа. Кок-Сай.

Надпись № 2. Расположена горизонтально на массивном камне удлинённых очертаний. Часть знаков в центральной части насыпи разрушена. Выше надписи в профиль изображены стоящая птица, лошадь и нечетко различимая фигура антропоморфа в длинном одеянии. Между силуэтами лошади и антропоморфа выбита тамга с округлым основанием и концами, загнутыми в противоположные стороны, а также горизонтальной чертой под основанием. Данная тамга, в отличие от тамги в составе надписи № 1, развернута основанием в другую сторону (рис. 2). Ввиду того, что часть знаков разрушена, надпись “недостаточно разборчива для уверенного чтения” [Там же].

Надпись № 3. Расположена горизонтально на массивном камне, на темной патенизированной поверхности, обращенной на запад. Несколько ниже ее в центральной части плоскости выбито изображение сидящего на коне всадника в защитном облачении, с боевым топором на поясе и ловчей птицей на руке.

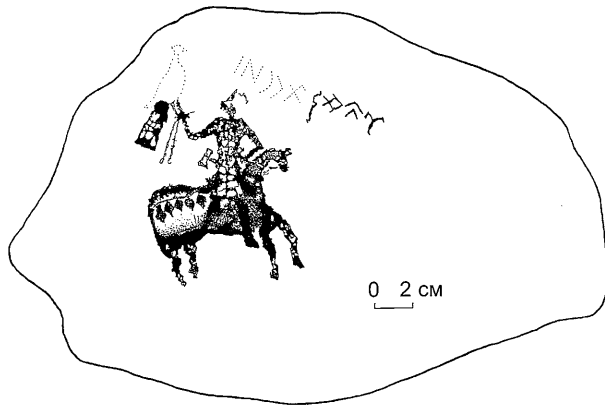

Рис. 3. Камень с надписью № 3 и изображением всадника с птицей на руке. Кок-Сай.

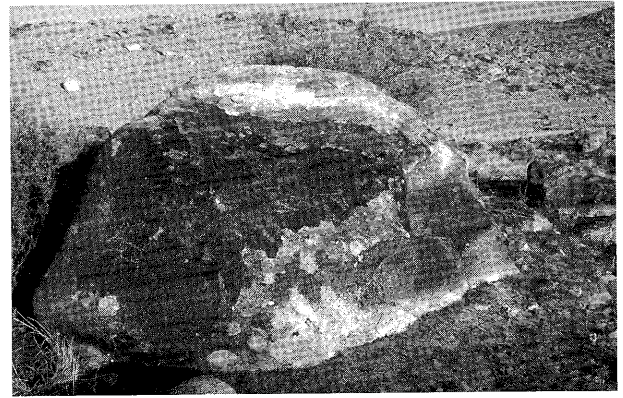

Рис. 4. Камень с надписью № 3 и изображением всадника. Кок-Сай.

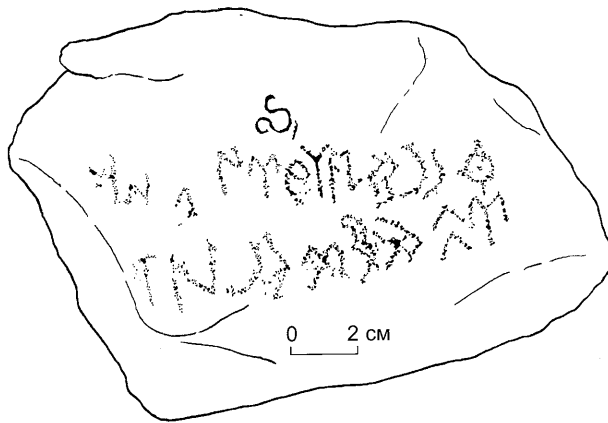

Рис. 5. Камень с надписью № 4. Кок-Сай.

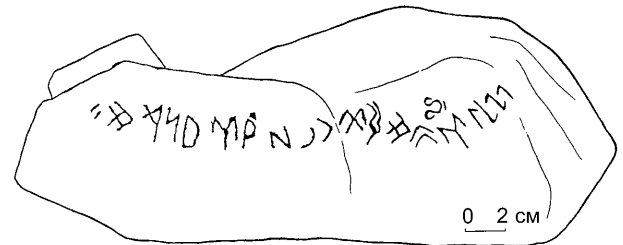

Рис. 6. Камень с надписью № 5. Кок-Сай.

Часть знаков и изображение птицы на поверхности камня повреждены эрозией.

В переводе С.Г. Кляшторного надпись идентична тексту № 1: “Мое мужское имя Адык. Десять стрел...” [Там же]. Вероятно, данный текст можно считать подписью к изображению всадника (рис. 3, 4).

Надпись № 4. Нанесена на восточной поверхности массивного валуна. Надпись состоит из двух горизонтальных строк. Часть знаков нижней строки сохранилась не полностью. Выше надписи выбита тамга с округлым основанием, загнутыми в противоположные стороны концами, под основанием – горизонтальная черта (рис. 5).

Перевод надписи: “Там впереди (т.е. на востоке. – **Авт.**) становище (кочевье). Мое мужское имя Адык. Десять стрел...” [Там же].

Надпись № 5. Расположена горизонтально на боковой поверхности массивного валуна удлиненных очертаний. Выше надписи – тамга с округлым основанием, загнутыми в противоположные стороны концами, под основанием – горизонтальная черта (рис. 6).

Перевод надписи: “Мое мужское имя Адык. Мой (наш?) Ярыш в стране десяти стрел” [Там же].

Надпись № 6. Два рунических знака нанесены на противоположной стороне этого же валуна. Они расположены вертикально в одну строку (рис. 7). Перевода нет.

Надпись № 7. Расположена горизонтально на массивном валуне удлиненных очертаний. Отчетливо видны 13 выбитых знаков. Прослеживаются очертания еще одного не полностью сохранившегося знака. Выше надписи – тамга в виде округлого основания с загнутыми в противоположные стороны концами и горизонтальной чертой под основанием (рис. 8).

Перевод надписи: “Мое мужское имя Адык. Наш Ярыш (в стране) десяти стрел” [Там же].

Надпись № 8. Расположена горизонтально на массивном валуне. Состоит из пяти знаков (рис. 9 – 11).

Перевод надписи: “Наш Ярыш” [Там же].

Надпись № 9. Нанесена на поверхности валуна. Горизонтально расположено пять знаков (рис. 12). По составу знаков надпись аналогична предыдущей. Она опубликована С.Г. Кляшторным только в транскрип-

ции, без перевода [Там же]. В переводе А. Аманжолова “геройское имя” персонажа, от имени которого нанесены надписи, звучит несколько иначе, чем у С.Г. Кляшторного. Имя Сагунак он производит от слова “сагун”, которым именовались “старшие по возрасту у карлуков” или “тюркские знахари”, и связывает с названием средневекового города Сугнак, или Сыгнак [Аманжолов, 2001, с. 97 – 98].

При осмотре местонахождения К.Ш. Табалдиевым и О.А. Солтобаевым в 2000 г. на поверхности камня была обнаружена еще одна руническая надпись, состоящая из семи знаков, выбитых не очень четко и частично поврежденных. Эта надпись пока не прочтена и не переведена тюркологами [Табалдиев, Солтобаев, 2001, с. 72, рис. 10].

Комплекс памятников с руническими надписями в местности Кок-Сай является не единственным относящимся к культурам кочевников эпохи раннего средневековья местонахождением в восточной части Кочкорской долины. Поблизости от него, на расстоянии от 1 до 5 км, находится несколько древнетюркских курганных могильников, поминальных комплексов и каменных изваяний.

В местности Калмак-Таш ранее располагались древнетюркские каменные изваяния, изображающие воинов с сосудом в правой руке и саблей и кинжалом на поясе или женщину в трехрогом головном уборе, которые были перевезены местными жителями в с. Кара-Сас. Эти изваяния относятся к VII – VIII вв., времени существования Западного Тюркского и Тюркешского каганатов [Табалдиев, Худяков, 2000, с. 68 – 69, 72 – 73].

На могильнике Бел-Саз К.Ш. Табалдиевым исследованы древнетюркские погребения с конем, захоронения лошадей, одиночные погребения взрослых людей и детей, поминальная ограда [Табалдиев, 1996, с. 20, 22 – 23]. Они датируются VII – IX вв. н.э.

На памятниках Чап, Бойок-Булак и Кызыл-Булак были найдены древнетюркские каменные изваяния. На изваяниях низким барельефом изображены мужчины с широкоскулым лицом, миндалевидными глазами, широкими бровями вразлет, прямым носом, рельефными усами, маленьким ртом и приостренным подбородком. Некоторые мужчины были запечатлены с небольшими сосудами, чашами или пиалами в правой, согнутой в локте руке, с левой согнутой в локте рукой, ладонью на поясе (рис. 13, 14).

По стилистическим особенностям и отдельным реалиям эти изваяния могут быть отнесены к VII – VIII вв., времени существования Западного Тюркского и Тюркешского каганатов [Табалдиев, Худяков, 2000, с. 72 – 73].

Местонахождение Кок-Сай, которое находится в восточной части Кочкорской долины, насыщенной

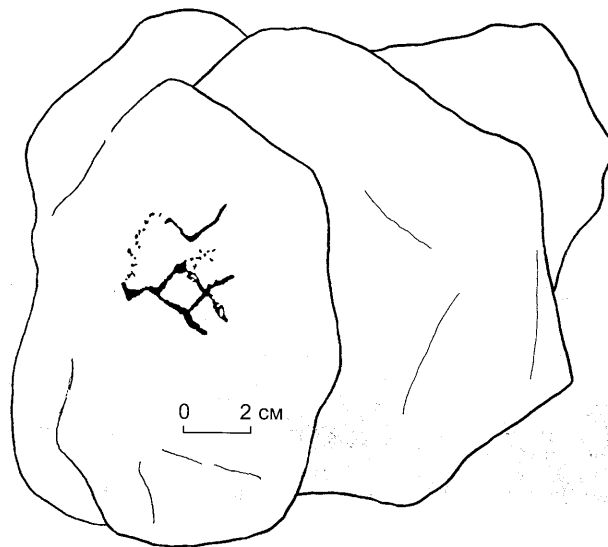

Рис. 7. Надпись № 6. Кок-Сай.

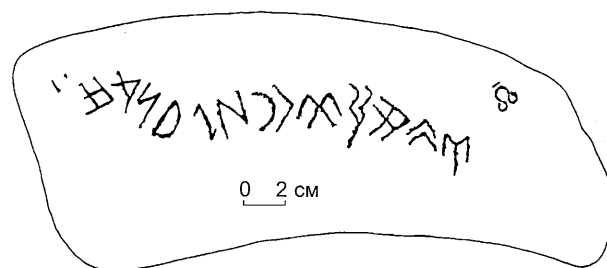

Рис. 8. Камень с надписью № 7. Кок-Сай.

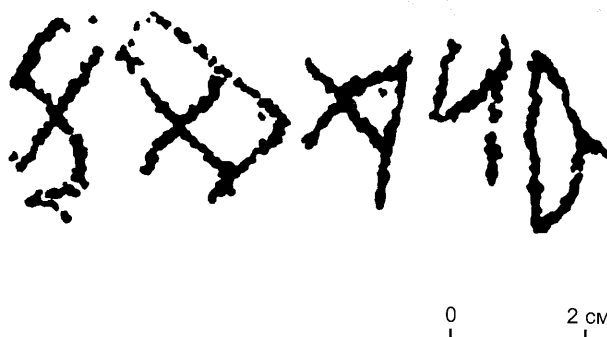

Рис. 9. Камень с надписью № 8. Кок-Сай.

памятниками древнетюркского времени, отличается своеобразием. Хотя руническая надпись обнаружена и на соседнем памятнике Калмак-Таш, кок-сайские надписи характерны тем, что представляют собой, по существу, один и тот же текст в разных редакциях, повторяющихся неоднократно на отдельных камнях на склоне горы Укек на площади в несколько сотен квадратных метров. На камнях № 5 и 7 представлен наиболее полный вариант надписи: “Мое геройское имя Адык (Медведь). Наш (или мой) Ярыш в стране

Рис. 10. Вид камня с надписью № 8. Кок-Сай.

Рис. 11. Вид камня с надписью № 8. Кок-Сай.

0 2 см

Рис. 12. Надпись на камне № 9. Кок-Сай.

десяти стрел”. В остальных семи надписях тот же текст приведен в сокращенном варианте, в котором упоминаются только имя героя, название страны и принадлежность долины. Лишь в одной, четвертой, надписи о герое сообщается дополнительная подробность: его становище или кочевье находится “на востоке”, вероятно, от долины Ярыш. О том, что надпись касается одного и того же человека, свидетельствуют изображения тамг на камнях № 1, 2, 4, 5, 7. Хотя начертания тамги на отдельных камнях несколь-

Рис. 13. Каменное изваяние.

Рис. 14. Каменное изваяние.

ко различаются и повернуты основанием в разные стороны, это, несомненно, один и тот же знак.

Подобные тамги зафиксированы и на памятниках в других районах Кыргызстана. Аналогичные тамгообразные знаки были обнаружены среди наскальных рисунков в Алайской долине и на северном берегу оз. Иссык-Куль, у подножия хребта Кунгей Ала-Тоо [Табалдиев, Солтобаев, 2001, с. 71].

Близкие по начертанию тамгообразные знаки с округлым основанием и загнутыми в разные стороны концами зафиксированы на разновременных памятниках в Средней Азии, Казахстане, Северном Причерноморье, Монголии. В западном ареале своего распространения преобладают тамги с основанием, обращенным вниз, концами вверх. Исследователи связывают эти знаки с ираноязычными кочевыми племенами сарматов и юэчжей [Вайнберг, Новгородова, 1976, с. 69 – 72]. В восточных районах евразийского пояса степей подобные тамги изображались основанием вверх, концами вниз. Наиболее полной аналогией кок-сайским является изображение тамги с округлым основанием, загнутыми концами и горизонтальной чертой под ними с петроглифического памятника Цаган-Толгой в Ховдосском аймаке Монголии [Пэрлээ, 1976, тал. 174, 181]. Этот памятник содержит рисунки, относящиеся к разным историческим эпохам от бронзового века до средневековья. Э.А. Новгородова датирует изображения тамг хуннским временем [1984, с. 118 – 123]. Близкие по начертанию тамги в виде округлого основания с загнутыми в разные стороны концами распространены у современных тюркских и монгольских народов. А. Аманжолов отметил сходство кок-сайских знаков с тамгами родоплеменных подразделений чомекей и канглы в составе казахов [2001, с. 97 – 98]. Похожие тамги известны у алтайцев и монголов [Сагалаев, Октябрьская, 1990, с. 23, табл. 1; Вайнберг, Новгородова, 1976, с. 71]. Аналогичные тамги имеются у родоплеменных подразделений бельтыр и каргинцев в составе современных хакасов [Бутанаев, 1990, с. 208, 219, 231, 234, 248].

Интересно, что тамги алтайцев и монголов расположены основанием вниз, концами вверх, а у хакасов, наоборот, – основанием вверх, концами вниз или повернуты горизонтально, совершенно аналогично кок-сайским.

Зона распространения хакасских тамг соотносится с ареалом древних тамг на территории Монголии, а алтайских и монгольских – с древними тамгообразными знаками западного ареала евразийского пояса степей. Кок-сайский вариант тамги, видимо, связан с цаган-тологийским вариантом из Монгольского Алтая.

Весьма примечательно, что “муж и герой Адык” дважды, а может быть, и трижды, изображен на камнях Кок-Сая. Наиболее совершенное по технике ис-

полнения и набору реалий изображение выбито на камне с надписью № 3. Это настоящий петроглифический портрет конного воина Адыка с надписью над изображением всадника. Все исследователи уделили значительное внимание этому рисунку. Всадник изображен развернутым анфас корпусом, верхом на идущей слева направо лошади, которая дана в профиль. Воин с головой, обращенной назад, показан в острове верхом головном уборе, вероятно, в шлеме с коническим навершием с плюмажем. У мужчины широкие плечи, мощный корпус, узкая талия. Правая рука согнута в локте, кисть поднята вверх. На ладони сидит крупная птица. Ее изображение сохранилось не полностью. Видны две лапы и длинный, расширяющийся к концу хвост. С ладони руки свисает двойная веревочка или ремешок. Вероятно, это ремешок, которым связывали ноги ловчей птицы. Левая рука всадника согнута в локте, держит поводья. На туловище воина изображены широкие прямоугольные пластины. Видимо, всадник одет в пластинчатый панцирь-куяк с подолом выше колен. За его спиной показан высокообушный боевой топор на прямой рукоятке. Возможно, он прикреплен ремешком к поясу. На левом боку всадника показан небольшой выступ. Может быть, это рукоять палаша или сабли. Ноги всадника вытянуты, ступни свисают ниже туловища лошади. Конь изображен с маленькой головой и приостренными ушами, тонкой, изогнутой шей, с поводьями. Тело и круп лошади непропорционально крупные. На крупе показан подфейный ремень с пятью крупными бляхами ромбовидной или сердцевидной формы. Левая передняя нога лошади слегка согнута в колене, остальные ноги прямые (см. рис. 3, 4).

Рисунок выполнен в технике точечной выбивки с большим мастерством. Реалии переданы с большой точностью и выразительностью.

Еще одно, аналогичное по композиции и технике исполнения, изображение всадника с ловчей птицей на лошади выбито на поверхности массивного камня, расположенного в сотне метров западнее камня с надписью № 3. Оно сохранилось не полностью и беднее реалиями. Всадник изображен с развернутым назад корпусом. На правой руке у него сидит ловчая птица, в левой руке повод. У лошади показаны голова, шея, поводья, туловище и хвост. Не сохранилось изображения шлема воина и ног лошади. У всадника не детализирован панцирь и не показан топор. Зато полностью сохранилась фигура сидящей птицы. У нее маленькая головка с загнутым клювом и гребнем, тонкая шея и крупное туловище (рис. 15).

Вероятно, тот же мужчина-воин, но уже в спешном положении запечатлен в составе композиции на камне с надписью № 2. Изображение антропоморфа не вполне четкое. Возможно, мастер изобразил воина, опустившегося на одно колено и стреляющего из

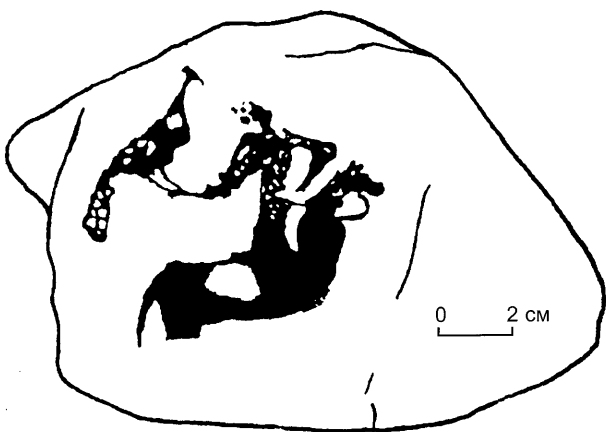

Рис. 15. Камень с изображением всадника с птицей на руке. Кок-Сай.

лука. Во всяком случае силуэт напоминает отдельные реалии, характерные для изображений пеших стрелков. За спиной у антропоморфа показана стоящая лошадь с опущенными поводьями. Ее передние ноги соединены вместе, возможно, спутаны. За лошадько изображена стоящая птица (см. рис. 2). По предположению С.Г. Кляшторного, птица на руке изображает павлина, а сам рисунок связан с согдийским искусством [2001а, с. 214 – 215]. На наш взгляд, больше оснований считать эту птицу ловчей, например, беркутом, а саму сцену связывать с богатырской охотой. В этом случае на всех трех камнях Кок-Сая изображены разные эпизоды охоты “мужа-воина Адыка”. Нет достаточных оснований считать, что “круп лошади покрыт ковровой попоной, седло отсутствует” [Кляшторный, 2001б, с. 74] или что всадник изображен “верхом на боевом бронированном коне” [Аманжолов, 2001, с. 98]. Судя по подфейному ремню с подвесными бляхами, на крупе лошади Адыка нет ни ковровой, ни защитной попоны. Кроме того, охотиться на лошади, покрытой попоной, в горах очень просто.

Фигура “мужа-воина Адыка” имеет ряд отличий от выполненных в традиционной манере изображений древнетюркских конных и пеших воинов, которых показывали с длинными, распущенными или заплетенными в мелкие косички волосами, развевающимися за спиной [Худяков, 1986, рис. 72, 3, 4; Худяков, Табалдиев, Солтобаев, 1997, рис. 2, 1]. Подобная манера изображения тюрков существовала и в согдийском искусстве [Могильников, 1981, рис. 22, 1, 2, 8]. Иначе изображены и древнетюркские панцирные всадники на петроглифах в Монголии. У них рогатые шлемы, длиннополые катафракты, лошади в защитных пополах [Новгородова, 1984, рис. 60].

Кок-сайский всадник в панцире имеет черты сходства с конным воином с Сулекской писаницы в Хакасии, который изображен в шлеме с плюмажем, в пан-

цире, с разворотом корпуса анфас. Благодаря технике резной гравировки и контурной манере исполнения сулекский всадник выполнен более детально [Худяков, 1980, табл. LI]. Отдельные детали на кок-сайском рисунке, пластинчатый панцирь и крупные подвесные бляхи на подфейном ремне коня должны относиться к более позднему времени, чем период существования Тюркешского каганата.

Нуждается в определенной корректировке и историческая интерпретация самого Кок-Сайского комплекса. По предположению С.Г. Кляшторного, кок-сайские надписи, содержащие имя человека и название местности, должны соответствовать месту зимней стоянки владельца угодий. В Южной и Восточной Монголии, Гоби и Хэнгэ им были изучены аналогичные по содержанию рунические надписи [Кляшторный, 1978, с. 157 – 158]. “Одна и та же формула, – отмечает исследователь, – многократно, скорее всего, ежегодно повторялась, а сами надписи высекались на видном месте крупными знаками и были предельно кратки” [Кляшторный, 2001б, с. 75]. В этом предположении не объяснено, для чего ежегодно высекал на видном месте надпись одного и того же содержания, если факт пребывания владельца на данном месте уже зафиксирован предшествующей надписью, которая ни куда не исчезла и хорошо видна. Кроме того, в текстах названо не место стоянки, а “наш Ярыш”, т.е. вся Кочкорская долина, и отмечено, что кочевье или становище Адыка находится не в Кок-Саяе, а “на востоке” от него [Там же, с. 74].

По нашему мнению, мужу-воину Адыку понадобилось многократно письменно заявлять о своих претензиях на владение долиной “Ярыш в стране Десяти стрел” потому, что в реальности она ему не принадлежала, а являлась спорной территорией, и претендовал он отнюдь не на участок каменистого склона горной цепи Укек, а на всю Кочкорскую долину. Однако реально он смог заявить о своих претензиях лишь во время своих непродолжительных походов в восточную часть долины, куда приходил с места своего кочевья, находившегося восточнее Ярыша на Восточном Тянь-Шане.

Трудно согласиться с тем, что выражение “наш Ярыш в стране Десяти стрел” свидетельствует о тюркешской принадлежности мужа-воина Адыка, который “как бы говорит от имени государства” – Тюркешского каганата [Там же, с. 75]. Скорее его заявление напоминает утверждение завоевателя, которое можно понять так: “Я муж-воин Адык. Долина Ярыш в стране Десяти стрел теперь наша (или моя). Я пришел со своего кочевья на востоке”. А долину Ярыш Адык хотел, вероятно, видеть своим охотничьим заповедником, поскольку повелел изобразить себя с ловчей птицей на руке.

Очевидно, стоит обратить внимание на “геройское имя” Адыка – “медведь”. Представляется, что

для тюркешского знатного воина, предки которого обитали на Тянь-Шане и в Семиречье уже два столетия, выбор в качестве геройского имени названия представителя северной таежной фауны маловероятен. Конечно, имена богатырям совсем не обязательно подбирались из названий местной фауны. Устрашающие прозвища давались воинам и в тех странах, где львы, тигры и другие свирепые хищники не водились. Но чтобы назвать человека медведем, надо знать, что это за зверь, реальный или мифический.

Заключение

Итак, судя по всему, “муж-воин Адык” неоднократно совершал походы в долину Ярыш, поскольку хотел завладеть ею и включить в свои охотничьи угодья. О своих претензиях он заявлял в надписях, подтверждал своими тамгами и портретами на камнях Кок-Сая, сохранившихся в восточной части долины. Происходило это в то время, когда долина носила тюркское название Ярыш и принадлежала во время походов или в недавнем прошлом Тюркешскому каганату. Свое взрослое, мужское, геройское имя Адык получил потому, что в представлении нарекших этим именем медведь был внушающим уважение зверем, именем которого не зазорно назвать повзрослевшего мужчину. Воин Адык совершал походы в долину Ярыш с востока, из восточных районов Тянь-Шаня – мест его кочевья. Его сородичи или предки некогда обитали в Монгольском Алтае (здесь на скальных плоскостях Цага-Толгой были обнаружены аналогичные коксайским тамги).

Предки Адыка, возможно, проживали в тех местах, где медведь является почитаемым животным, хозяином тайги, а на восточном Тянь-Шане оказались, пройдя через Монгольский Алтай. Если правы те тюркологи, которые считают рунические надписи в Тянь-Шане более поздними по сравнению с енисейскими, то походы Адыка в долину Ярыш должны относиться ко времени после разделения единого этнического массива кыргызов на енисейскую и восточно-туркестанскую ветви, которое произошло вслед за киданьским завоеванием Центральной Азии в первой четверти X в. н.э., завершившем эпоху кыргызского великодержавия.

Список литературы

Аманжолов А. К интерпретации чуйских рунических надписей // Байыркы кыргыз тарыхынын ауткалдуу проблемары: Эл аралык илимий конгресстим билдируу ворунун тезистер. – Бишкек: Б.и., 2001. – С. 97 – 100.

Бутанаев В.Я. Этническая история хакасов XVII – XIX вв. Хакасы. – М.: Институт этнологии и этнической антро-

пологии АН СССР, 1990. – 273 с. – (Материалы к серии “Народы Советского союза”; Вып. 3).

Вайнберг Б.И., Новгородова Э.А. Заметки о знаках и тамгах Монголии // История и культура народов Средней Азии. – М.: Наука, 1976. – С. 66 – 74.

Джумагулов Ч. Эпиграфика Киргизии. – Фрунзе: Илим, 1987. – Вып. 3. – 168 с.

Кормушин И.В. К палеографическим особенностям таласских надписей // Байыркы кыргыз тарыхынын ауткалдуу проблемары: Эл аралык илимий конгресстим билдируу ворунун тезистер. – Бишкек: Б.и., 2001. – С. 94 – 97.

Кляшторный С.Г. Наскальные рунические надписи Монголии // Тюркологический сборник 1975. – М.: Наука, 1978. – С. 151 – 158.

Кляшторный С.Г. Всадники Кочкорской долины // Евразия сквозь века. – СПб.: Б.и., 2001а. – С. 213 – 215.

Кляшторный С.Г. Новые открытия древнетюркских рунических надписей на Центральном Тянь-Шане // Изв. Национальной Академии наук Кыргызской Республики. – 2001б. – С. 73 – 75.

Могильников В.А. Тюрки // Степи Евразии в эпоху средневековья. – М.: Наука, 1981. – С. 29 – 43. – (Сер. “Археология СССР”).

Новгородова Э.А. Мир петроглифов Монголии. – М.: Наука, 1984. – 168 с.

Пэрлэ Х. Монгол тумний гарлыгтамгаар хайж судлах нь. – Улаанбаатар: Шинжлэх Ухааны академи туухийн хурээлэн, 1976. – 270 тал.(на монг. яз.).

Сагалаев А.М., Октябрьская И.В. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири: Знак и ритуал. – Новосибирск: Наука, 1990. – 209 с.

Табалдиев К.Ш. Курганы средневековых кочевых племен Тянь-Шаня. – Бишкек: Айвек, 1996. – 256 с.

Табалдиев К.Ш., Солтобаев О.А. Рунические надписи Кочкорской долины // Изв. Национальной Академии наук Кыргызской Республики. – 2001. – № 1. – С. 68 – 73.

Табалдиев К.Ш., Худяков Ю.С. Древнетюркский памятник Беш-Таш-Короо // Памятники культуры древних тюрков в Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск: НГУ, 1999. – С. 55 – 81.

Табалдиев К.Ш., Худяков Ю.С. Древнетюркские поминальные памятники на Тянь-Шане (по материалам исследований Нарынского отряда) // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. – Новосибирск: НГУ, 2000. – С. 65 – 85.

Худяков Ю.С. Вооружение енисейских кыргызов VI – XII вв. – Новосибирск: Наука, 1980. – 176 с.

Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск: Наука, 1986. – 268 с.

Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш. Реконструкция конского убранства древних тюрков Центрального Тянь-Шаня // РА. – 1999. – № 3. – С. 50 – 58.

Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш., Солтобаев О.А. Новые находки предметов изобразительного искусства древних тюрков на Тянь-Шане // РА. – 1997. – № 3. – С. 142 – 147.

Материал поступил в редколлегию 25.10.01 г.

ЭВЕНКИЙСКИЙ ОБРЯД “ПРОВОДОВ МЕДВЕДЯ” КАК ФОРМА ОРГАНИЗАЦИИ ПРОСТРАНСТВА

Мифологические представления о медведе, сопряженный с ними комплекс ритуальных действий, который образно именуется медвежьим праздником и включает т. н. проводы (“захоронение головы”) зверя, широко распространены в среде охотников-рыболовов таежной зоны Сибири. В многочисленных публикациях, посвященных этому циклу представлений, обряды “медвежьего праздника”, как правило, рассматриваются сквозь призму промысловых культов, культа предков или магических действий, обозначающих поклонение сакральному животному [Мифы..., 1992, с. 128 – 130; Фрезер, 1984, с. 473 – 485].

Очевидно, что в том виде, в котором ритуалы “медвежьего праздника” зафиксированы исследователями XIX – XX вв., они хотя и стоят вне шаманских “мистерий”, но все же существенно “модернизированы” шаманистической космогонией. В этой связи “медвежий праздник” и в особенности его кульминационная часть – “захоронение головы” зверя могут, как нам кажется, рассматриваться в том же ключе, что и шаманский цикл календарных обрядов весеннего праздника *икэнипкэ*, основное содержание которого состоит, как известно, в репликации “космического порядка” и “связей” общества с “макромиром высших духов”, организующих “жизненное пространство” локальной общины и подтверждающих ее права на общинно-родовые угодья.

Наши оригинальные сведения о “медвежьем празднике” ограничены двумя записями 1972 и 1978 гг., произведенными со слов информантов, входящих в северную и южную диалектно-территориальные группы. Южная (административное название Мендзинкур) до начала 1960-х гг. обитала в бассейне левого притока Ангары – р. Чуны (Уда в верховьях и Тасеева после слияния с р. Бирюсой) и объединяла несколько родовых патронимий (около 40 чел.). Наблюдавшийся

нами ритуал “захоронения головы” убитого медведя исполнялся одной из последних представительниц этой группы – Е.И. Рукосуевой (1914 года рождения). Свежие впечатления об обряде и сопровождавшие его рассказы наших информантов (сестер Е.И. и Н.И. Рукосувых) об аналогичных действиях, совершавшихся данной группой в прошлом, опубликованы [Туров, 1978].

В кратком изложении обряд состоял в следующем. Освобожденную от шкуры голову медведя отделяли от туловища на уровне третьего шейного позвонка, в раскрытую пасть вставляли остроганный деревянный колышек – распорку, а в ноздри – веточки пихты. Как поясняли наши информанты, это делалось для того, чтобы медведь “никого не поймал” (“колышек ему мешать будет, пасть не закроется – человека схватить не сможет”) и “не учуял охотника”.

Очевидно, сам обряд “захоронения головы” и указанные меры предосторожности связаны с представлениями эвенков о “возрождении” убитого ими зверя, который мог отомстить “обидчикам”. Скорее всего, именно этими соображениями могут объясняться следующие стереотипные – по словам наших информантов, предписанные “традицией предков” – действия: подготовленную к “захоронению” голову медведя относили от места разделки добычи на 50 – 60 м в том направлении, “откуда зверь пришел”, и закрепляли на пеньке (в нашем примере была срублена сосна диаметром около 15 – 20 см) высотой около 1,5 м; голову устанавливали лицевой частью также в сторону, “откуда медведь пришел”, и в этом же направлении на стоящих друг за другом деревьях по числу прожитых медведем лет делали затесы на высоте несколько больше человеческого роста. Как поясняла Е.И. Рукосуева, “так *амака* (медведь) свою тропу видит, по ней уходит, снова живой делается, на эвенков не сердится”.